

— Щекотно? — повторил Лит её слова. — То есть ты действительно можешь почувствовать моё прикосновение?

Солус на секунду замерла, внезапное осознание шокировало её.

— Могу! Во имя творца, я чувствую. Я не просто кусок камня!

Она начала метаться по комнате, проходя через стены, потолок и мебель в комнате, даже вылетая на улицу, прежде чем вернуться обратно к Литу.

— Это странно. Я ничего не чувствую, касаясь чего-то внутри башни, или внешних объектов, кажется, это работает только с тобой.

— Возможно, это из-за того, что эта твоя новая форма всё ещё слишком слаба. Наши разумы связаны, и мы разделяем тело, помнишь? Это делает наше взаимодействие уникальным.

Висп двинулся вперёд к Литу, касаясь его лба.

— Ты прав. Это едва различимо, но в соответствии с твоими воспоминаниями должно быть ощущением от соприкосновения кожи. Я также чувствую твоё тепло. А ты?

Потребовалось некоторое время, чтобы понять, что, хотя и очень слабо, но висп излучает тепло.

— Аналогично. Солус, не могла бы ты опуститься немного вниз?

Стоило ей опуститься на уровень его груди, как Лит обнял виспа.

— А теперь как себя чувствуешь?

— Как будто настал самый счастливый день в моей жизни, — её голос дрожал, и хоть у неё не было слёз, чтобы заплакать, на этот раз Солус не волновалась об этом. Независимо от того, сколь незначительны были эти чувства, она собиралась наслаждаться ими столько, сколько сможет.

Они оставались в таком положении в течение нескольких минут. Это был первый случай, когда Лит испытывал счастье от контакта с кем-то, кто не был членом его семьи. Это было странно, но в то же время естественно. Он также чувствовал, что все переживания, тяготящие её разум, понемногу рассеивались.

— Ты не был бы сейчас на ножах с друзьями, если бы и с ними был столь заботлив. Когда кто-

то падает на дно, то даже самый маленький жест имеет огромное значение.

Несмотря на правдивость своих слов, Солус испортила Литу момент, но поняла это слишком поздно. Лит отпустил её и последовал вниз к кузнечной лаборатории. Её слова вернули его в реальность, напомнив Литу, как мало у них сейчас оставалось времени.

— Наша самая большая проблема в кузнечном деле — это сложность и глубина этой дисциплины. Стоит мне понять, как работает фальшивое заклинание, и я смогу превратить его в заклинание истинной магии и улучшать, ограничиваясь лишь своим воображением. Но это не применимо к кузнечному делу. До сих пор при помощи истинной магии мне удавалось лишь добиваться результатов, аналогичных зачарованию фальшивой магией. Мы должны найти способ поднять наше кузнечное дело на новый уровень, иначе отпадёт необходимость в специализации. Если я не смогу достичь преимущества перед фальшивыми магами путёмковки моего собственного снаряжения, то я с тем же успехом могу отказаться от этой дисциплины, купить необходимое, и инвестировать своё время в области, где истинная магия на самом деле имеет значение.

Лит и Солус вместе пересмотрели несколько исследований, которые он скопировал из библиотеки академии о неудачных попытках прорваться через ограничения кузнечного дела. У них оставалось менее десяти дней, поэтому они должны были выбрать наиболее перспективные из исследований и надеяться, что применение истинной магии увенчается успехом.

— Как говорил Исаак Ньютон: «Если я и видел дальше других, то это потому, что стоял на плечах гигантов». Я могу не быть гением, но всё ещё могу использовать их работу в качестве лестницы для преодоления этого препятствия.

После долгого обсуждения они выбрали два метода, которые были простыми и в то же время блестящими, что позволяли даже такому новичку, как Лит, легко их понять.

Первым был принцип Хайсена. Он утверждал, что работа магического кузнеца влияет на материю, поэтому чем твёрже материал, тем труднее становился процесс зачарования. Хайсен предположил, что зачарование предмета на последних этапах егоковки делает эффект сильнее, при потреблении такого же количества маны.

— Это имеет смысл, — задумалась Солус. — Мы видели, как зачарование предмета требует создания псевдоядра и вырезания магией рунических путей, необходимых для поддержания псевдоядра в стабильном состоянии и предотвращения утечки хранимой в нём энергии. Материал близкий к точке плавления, должен оказывать меньше сопротивления магическому потоку.

— Да, это то, что Хайсен предположил и несколько раз попытался доказать, прежде чем сдался, — указал Лит. — Согласно этим документам, своими экспериментами он создал небольшое количество зачарованных предметов, но так и не понял, почему все остальные столь сильно не удались. Потеряв руки во время пятого раза, Хайсен объявил этот процесс неудачей. У нас есть бункер? Я бы предпочёл, чтобы руки оставались частью моего тела.

Висп, представляющий сознание Солус, несколько раз померцал, пока башня слегка дрожала.

— Теперь есть, — новая дверь появилась в кузнечной лаборатории.

Чтобы не тратить драгоценные материалы, Лит вновь решил использовать небольшие куски породы разного размера и процентного состава в качестве тестовых образцов. Сначала он должен был найти температуру, при которой образец будет показывать первые признаки сглаживания из-за плавления. Затем он перестал нагревать камень и начал зачаровывать его, в то время как Солус поддерживала магический круг активным и наполненным маной. Благодаря своей усиленной чувствительности маны, Лит мог видеть, что пути маны образуются легче и больше, чем обычно. Процесс зачарования удался, но, когда Лит проверял конечный результат, применяя Бодрость, он обнаружил, что на самом деле это провал.

— Чёрт! Высокая температура упростила процесс, но сделала его более нестабильным. И пути маны, и псевдоядра деформировались из-за изменений, которые произошли в период охлаждения, — вздохнул Лит.

— Может, на самом деле это успех. Дай мне попробовать.

Солус бросила зачарованный камень в бункер, заставив дверь исчезнуть, прежде чем активировать его отпечатком своей маны. Последовавший взрыв заставил стены дрожать.

— Или нет, — сказал Лит с суровым взглядом. — Неудивительно, что Хайсен отказался от этого метода, и никто его больше не исследовал. Ну, мы всё ещё должны попробовать много возможных вариантов этого эксперимента, может быть, один будет успешным или, по крайней мере, немного вдохновит.

Тем временем в особняке семьи Эрнас Флория была в ярости.

— Я так и знала! — она вновь читала сводку с биографией Литы. — Головами обоих своих братьев, это сильно. Один из них был отвергнут, а другой, как только выпал шанс, покинул семью. Да больше шансов, что я выйду замуж за гоблина, чем что Лит любит своих братьев. Как можно быть столь бесстыдным, Лаки?

Лаки полаял и повилял хвостом, надеясь, что уже настало время играть. Она бросила ему мяч, с удвоенной силой маршируя к апартаментам портных.

«Однако, это не совсем его вина. Как я могла быть столь глупа, чтобы полусонной ответить на звонок? Это так унижительно! Хватит с меня юбок и ночных рубашек, мне нужно что-то со штанами даже для сна. Обычно маму бы хватил припадок, услышь она такую просьбу, но в последнее время она кажется покорнее. Думаю, лучше ковать железо, пока горячо».

Флория действительно была права. При любых других обстоятельствах Джирни Эрнас запретила бы портным следовать приказу дочери. Прислуга усадьбы была хорошо информирована о стандартах Джирни в образовании и о том, как легко было быть уволенным без компенсации в случае, если кто-то злил её. Но угроза Ориона по-прежнему отзывалась эхом в её разуме, в результате чего Джирни оказалась в тупике. Её муж был человеком слова, поэтому, когда она услышала, как он говорит о разводе, она чуть не поперхнулась едой. Их брак был договорным, с целью объединить две семьи, наиболее верные короне, что позволило им обоим повысить свой статус в дворянстве. Её девичье сердце быстро влюбилось в молодого рыцаря, сначала за его широкую грудь и руки толщиной с её голову, которые могли буквально смести её с ног. Позже за его золотое сердце и приветливый нрав. Они всё ещё были глубоко влюблены друг в друга, поэтому она была не в состоянии понять, почему её дети не могли довериться ей, чтобы найти подходящего партнёра, как родители Джирни сделали для неё. Джирни была слишком напугана мыслью о потере мужа, чтобы ссориться из-за мелочей, давая Флории то, что она хотела.

— Я не знаю, что случилось с нынешними детьми, — жаловалась она своей фрейлине Роуз. — Создание такого шума из-за столь незначительного дела, как убийство, делает из мухи слона. Я впервые убила человека в шесть лет, овладела искусством пыток в двенадцать, но я выросла утонченной и нежной дамой. Верно, Роуз?

— Конечно, ваша светлость, — Роуз глотнула слюну. Она слишком хорошо знала, как её хозяйка может зарезать целую семью, не утратив аппетита к обеду. Было много слов, которые она могла бы использовать, чтобы описать Джирни, но «нежная» не одно из них.

Спустя пять дней эксперименты Лита так и не принесли никаких плодов. Стоило только процессу зачарования закончиться, он пытался быстро охладить образцы чтобы избежать деформаций в псевдоядре или в путях маны. Конечный продукт был намного лучше, чем обычно, но и чрезвычайно взрывоопасен, почти убив Лита в результате последовавшего взрыва. Затем он попытался работать с более высокими температурами, потратив всё своё время и усилия и обнаружив, что образец будет отвергать его магию. При более низких температурах он просто получил бы предметы стандартного качества. Даже при работе над материалами, которые предоставил ему Зекелл, результат оставался один. Качество образца не имеет значения для процесса кузнечного дела, по крайней мере на уровне понимания Лита.

«Чёрт возьми, принцип Хайсена — полное фиаско, — подумал он. — Использование истинной магии, чтобы поддержать процесс зачарования, пока образец охлаждается, только привело к его превращению в горсть пыли. Независимо от её качества, неодушевленная материя, кажется, не в состоянии выдержать так много магической энергии в течение длительного периода».

[По крайней мере, он не взорвался, как все другие эксперименты], — вздохнула Солус.

У них оставалось мало времени, а они всё ещё не сдвинулись с места.

Благодаря Варпу, Лит теперь мог без особых усилий уходить и возвращаться в свой дом. Несмотря на постоянное использование Бодрости, и он, и Солус были на последнем издыхании. Даже обычные чары кузнечного дела требовали огромного количества маны, Лит никогда бы не смог так долго экспериментировать без помощи Солус. Они оба нуждались в полноценном отдыхе. Лит был очень удивлён, обнаружив незнакомца, ожидающего его в собственном доме.

— С возвращением домой, дорогой, — его мать Элина отряхнула ему грудь и плечи от остатков последних неудач, так как обычно он был слишком уставшим, чтобы обратить на это внимание.

— Этот человек говорит, что он Орион Эрнас, отец твоих одноклассниц, — Орион вежливо поклонился Литу, на его лице читалась обеспокоенность. — Он хочет попросить тебя о помощи.

<http://tl.rulate.ru/book/26517/725547>